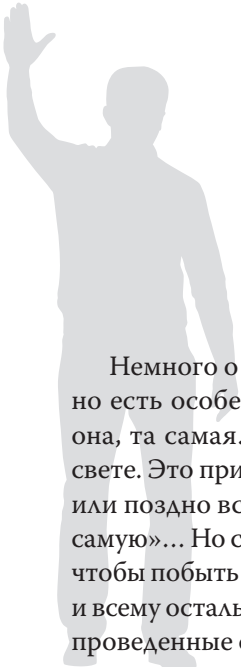

О страсти

A light gray silhouette of a person standing with their right arm raised high, palm facing forward. The figure is positioned on the left side of the page, partially overlapping the text area.

Немного о любви. Причин спешить домой множество, но есть особенные. Осознание того, что дома тебя ждет она, та самая... И ты для нее самый главный человек на свете. Это придает сил, делает жизнь интересней. Да, рано или поздно все закончится и придется искать другую «ту самую»... Но сейчас ты счастлив. Просыпаешься пораньше, чтобы побыть с ней наедине еще немного, в ущерб завтраку и всему остальному. Бежишь на работу, вспоминая минуты, проведенные с ней. За такими мыслями меняется чувство времени, оно то обнадеживающе летит, то замирает, доводя до отчаяния. Но обязательно наступает момент, когда ты возвращаешься домой,ходишь в комнату, а она лежит на кровати и ждет тебя. В предвкушении и желании снова забыться пристраиваешься рядом, раскрываешь ее, заглядываешь между страниц и... Читаешь, читаешь... Она закончится, займет свое место на полке твоей души, а ты отправишься на поиски новой книги, чтобы забыться вновь. Ищите свои книги, те самые... Они точно есть и ждут вас.

Проблемы известности

— Эдик... Ты?! — воскликнул Скрудж Макдак и подсел за столик к молодому парню.

— Вы обознались, — ответил парень.

— Ну, не скромничай, — усмехнулся Скрудж и бесцеремонно бросил свою коротенькую трость на стол.

Та, громко звякнув, прокатилась по поверхности и замерла.

— Ты — Эдвард Каллен, я кино про тебя смотрел. Ну и семейка у тебя, упырь на упыре... А ты что же это, — Скрудж кивнул на надкушенный гамбургер, — человеческой едой балуешься? Или так, маскировочка?

Парень отложил гамбургер и злобно процедил сквозь зубы:

— Меня зовут Роберт Паттинсон, я — актер.

— Ага... Значит, маскировочка. — Скрудж понимающе кивнул и, наклонившись чуть ближе, шепнул: — Я, знаешь ли, тоже не люблю всю эту показуху. Пусть лучше думают, что я просто утка из мультика. И ни один дурень не задумается, почему название сети ресторанов «Мак-Дак» звучит как моя фамилия и откуда у меня столько золота. — Договорив, он откинулся на спинку кресла и хитро подмигнул.

— Повторяю, меня зовут Роберт Паттинсон! — едва не переходя на крик, сказал парень. — Я человек, нормальный, обычный человек. Не упырь, не прячусь от солнца, не пью кровь, я актер, понимаете? И кроме Эдварда Каллена сыграл много других ролей.

Скрудж ехидно крикнул:

— Ну да, ну да... Нормальный человек обедает в «Мак-Даке» с рисованной уткой. Совсем ничего необычного... Слушай, а иди ко мне работать. Ты же со своей скоростью сможешь один всю команду персонала заменить. А я тебе бейджик золотой сделаю, и даже этот твой псевдоним «Роберт Паттисон» напишем — для маскировки. Только эту подругу свою с отмороженным лицом не бери, судя по взгляду, до ее мозга информация вообще не доходит, а мне шустрые нужны, как ты.

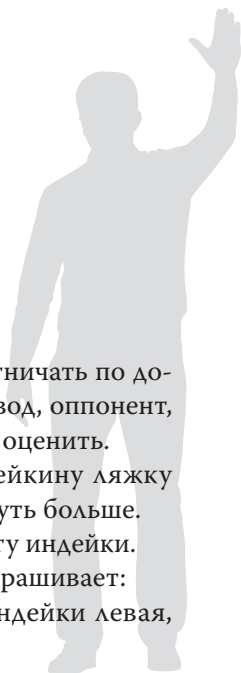
Парень вскочил из-за стола, схватил трость и стал колотить ею наглуую утку, четко и внятно проговаривая каждый слог:

— МЕ-НЯ ЗО-ВУТ РО-БЕРТ ПАТ-ТИН-СОН!

Только что побрякивающая голова Скруджа безжизненно упала на стол. Парень отбросил трость и вынул из кармана мобильный телефон:

— Алло, KFC? Полковника Сандерса, пожалуйста... Кто спрашивает? Роберт Паттинсон... Что значит «какой Паттинсон»? Да чтоб вас... Хорошо, передайте, что звонит Эдвард Каллен, у меня для него есть новый рецепт крылышек. Да, тот самый... Жду.

О чувстве юмора

Шутить на заказ так же глупо, как сплетничать по домофону. Для шутки нужно настроение, повод, оппонент, способный шутку поддержать или хотя бы оценить.

Недавно зашел в магазин, решил индейкину ляжку купить. В холодильнике лежат две, левая чуть больше.

— Взвесьте мне, — говорю, — левую ногу индейки.

Продавщица смотрит на эти ляжки и спрашивает:

— А как вы определяете, какая нога индейки левая, а какая правая?

Вот, думаю, нормальная продавщица попалась, юморная. А она на меня так серьезно смотрит и ждет ответа.

— Как же вы торгуете птицей и не знаете? У индеек левая нога толчковая, поэтому она более мясистая.

Ну, думаю, сейчас улыбнется. А фиг вам... Схватила ногу — ту, что побольше.

— Ничего себе, — говорит, — а я и не знала, спасибо.

Я не стал ничего больше говорить, взял пакет и пошел на выход. Слышу — за спиной продавщица кричит:

— Тань, а ты знала, что у индейки левая нога — толчковая и поэтому больше?..

Ёжик в дурмане

— Медведь, алло...

— Ёжик! Ты где? Когда мы уже будем считать звезды? Мне уже очень...

— Медведь, слушай внимательно! Доставки сегодня не будет, в лесу облава.

— Как не будет? Ёжик, я уже два дня звезды не считал, мне очень нужно варенье.

— Медведь! Соберись! Я тебе говорю: в лесу облава. Я через реку переходил и на патруль нарвался, еле лапы унес.

— Щучий патруль... Ёжик, но ты же можешь достать еще! Ведь можешь? Скажи, что можешь, пожалуйста... Я хочу считать звезды.

— Как я тебе еще достану, когда по всему лесу облава? Медведь, чтоб тебя! Какие звезды? Тебе бежать надо, немедленно. Бобры наверняка уже на тебя вышли. За малиновое варенье сам знаешь, что сейчас бывает... Меняй берлогу, срочно.

— Как бобры? Так варенье к бобрам попало? Они же меня по нему и вычислят. Я же им сказал, что завязал. Погоди... А не решил ли ты, крысеныш колючий, меня просто сдать бобрам? Ты же знаешь, что я только за тот раз с ними рассчитался. Я больше им лес валить не хочу.

— Потапыч, у тебя совсем мозги слиплись? Я тебе не Лиса, моя репутация всему болоту известна.

— Ну ладно, извини, но куда же мне бежать?

— Не знаю, найди укромное место и падай в спячку. А к весне все уляжется.

— В спячку без малинового варенья? Не хочу, не могу, не буду. Ёжик, я столько не вытяну. Леший задери эти проклятые облавы.

— Медведь, прекрати истерику.

— Ладно, ладно, я у Лошади спрячусь, у нее там можжевеловые веточки есть, перезимую как-нибудь.

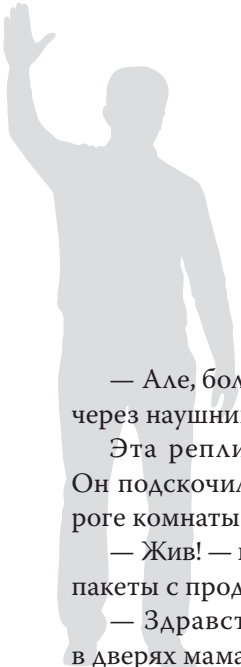
— К Лошади не ходи. Я только что был у нее, там уже Филин с Собакой. Она так надымила этими веточками, что они ее на лугу найти не могут.

— Глупая кобыла, я же говорил ей, проветривай... Ёжик, бобры уже здесь, дверь прогрызают. Опять им хатку дровами забивать всю зиму, проклятье! Дружище, спасибо, что попытался предупредить, я тебя им не выдам. До встречи, друг.

Ёжик отключил гарнитуру и грустно вздохнул:

— Я могу быть свободен?

— Да, — ответили бобры, выгребая коротенькими лапками остатки варенья со дна банки, — и больше не шали.

Снег

(повесть)

— Але, болезный, жив?! — донесся резкий голос, даже через наушники.

Эта реплика для Гриши прозвучала как выстрел. Он подскочил от неожиданности и обернулся — на пороге комнаты стоял отец.

— Жив! — констатировал Гриша и встал, чтобы отнести пакеты с продуктами на кухню.

— Здравствуй, сынок, — защебетала появившаяся в дверях мама.

— Что случилось, мам? Почему без звонка? — поспешно натягивая на себя маску и медицинские перчатки, спросил Гриша.

Мама, как хорошо обученный солдат, в маске, перчатках и бахилах только собралась что-то сказать, как ее загородил вернувшийся с кухни отец и загрохотал своим обычным голосом:

— Потому что завтра мы уезжаем в отпуск, вот и приехали сегодня. Мы бы рады предупредить, так ты же не берешь трубку. Мать панику подняла, решила, что тебя таки загрызли бациллы.

— Миша! — укоризненно одернула его мама.

— Папа, пожалуйста, сними куртку, надень бахилы и маску.

— Чатлане* намордники не носят, — отозвался отец, продолжая таскать пакеты с едой из прихожей в кухню.

* Чатлане — коренные жители планеты Плюк из х/ф «Кин-дза-дза!» (реж. Г. Данелия, 1986).

— Тогда не надо приходить, — возмутился Гриша. — Каждый раз одно и то же. Ты прекрасно знаешь, что я болен, но ты ведь назло мне это делаешь.

Отец поставил пакеты и повернулся к сыну:

— Не приходить? А жратву тебе мать таскать будет? Да если бы не мы, ты бы уже с голоду помер. Болячек себе надумал и нас в прислугу превратил, симулянт хренов!

Хлопнув дверь, отец вышел из квартиры. Гриша остался стоять в коридоре. Учащенное дыхание со свистом проходило сквозь маску, заставляя ее пульсировать, руки дрожали от волнения, голова кружилась. Сдерживая приступ тошноты, Гриша побежал в ванную.

— Ну хоть пакеты дотащил, — вздохнула мама.

Умывшись, Гриша вошел в кухню. Мама уже хозяйничала у холодильника, заботливо протирая продукты и расставляя их по полкам.

— Не сердись на него, он тебя любит.

— Заметно, — раздраженно ответил Гриша.

— Мы переживаем за тебя. Ты уже семь лет из дома не выходил — так нельзя.

— Но эти семь лет я и не болел.

— Нас не станет, и что тогда?

— Мама, опять ты за свое. Вспомни, ты ведь сама со мной все детство по больницам. Врачи меня выписывать не успевали, как я снова у них оказывался. Я в школу только последние два класса ходил, и то кое-как.

— Да, сынок, помню. А еще я помню, что когда тебя последний раз выписывали, врач сказал, что все в порядке. И диагнозы твои сняли. Когда ты в институт поступил, мы с отцом жить спокойно начали, о внуках размышляли. А на втором курсе — здрасьте-приехали, мизофобия* эта чертова. Одну болячку победили, другую нажили. Дальше-то что, сынок?

* Мизофобия — навязчивый страх загрязнения либо заражения, стремление избежать соприкосновения с окружающими предметами.